

АНДРЕЙ ПЕЙОТА

Regular

Андрей Пейота

Regular

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40221039

ISBN 9785449614285

Аннотация

Перед вами роман, состоящий из двух частей разной стилистической окраски, под названием «Regular». По сути своей – это заметки на пути персонажа, что ходит по дорогам как в голове, так и по Руси-матушке. Религиозные культы малых и великих городов, Питер и провинция, попрошайничество и заработок на улицах мегаполиса, смерти, жизни, люди. Все это проносится под ногами героя с фееричной скоростью. Только бы успеть. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Вступление	5
Креститься по-рок-н-рольному	10
Ориентировочное время: 2012	14
СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ PR?	22
В НОЧЬ НА СУББОТУ	26
МОГИЛЬНЫЙ ХОЛОД И ЗАПАХ ЛАДАНА	28
AVE, MARIA!	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Regular

Андрей Пейота

© Андрей Пейота, 2019

ISBN 978-5-4496-1428-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Здравствуйтесь, именно вы, кем бы вы ни были.

Считаю своим долгом написать вступительное слово о той субстанции, в которую нам с вами предстоит окунуться. Всегда есть три вопроса, на которые в первую очередь нужно дать ответы, пусть даже эти вопросы не будут заданы вслух (думаю, все мы тут люди в какой-то степени вменяемые, и с книгой разговаривать не начнем, хотя... кто я такой, чтобы вас останавливать?)

«Что?», «Какое?», «Почему?».

«Что?» Перед вами роман, состоящий из двух частей разной стилистической окраски под названием «Regular». Первая часть «Креститься по-рок-н-рольному» является путевыми заметками по дороге к чему-то большему, чем есть мы сами. Попытки это большее найти, вообразить, или обрисовать хоть как-то осознанно. Всё более рассуждение, нежели действие. Субъективная вера индивида, религиозные организации и с чем их едят, а главное – как подаются; Так же затронуты некоторые эзотерические учения и опыты. Но, прошу отметить, граждане заседатели, критики вы здесь не найдете (особо рьяные, конечно, соберут по крупицам всё что угодно, но я перед собой такой цели не ставлю, ибо это просто путь). Вторая часть «Immigrant song» есть в большей степени художественное произведение. Используя термин «ху-

дожественный», в первую очередь говорю о насыщенности внешним действием, событийностью в материальном пласте нашего мира. И то, и другое, – долгий путь, который движется под ногами персонажа с бешеной скоростью.

«Какое?» Здесь всё сложнее. Думаю, что любое произведение, которое каким-либо образом засветилось в мировой литературе, благодаря трактовкам читателей, или того хуже, литературоведов, всегда будет разным. Чего хотел добиться я? Попробовать показать то, что реализм не обязательно движется в магическую ипостась, а может оставаться таким, какой он есть, без того, чтобы скатываться в семейный бытовизм и горчайшую «бабье-баобабье-мужицкую» стезю. Также, хотелось бы подчеркнуть, что реализм – это не материальное перечисление и пустословие из которых нужно чуть ли не клещами вынимать крупички смысловой нагрузки (Оноре, привет!) Реализм – это не обязательно грязь, домашнее насилие и непонимание главного героя окружающими, что крайне часто смакуется в кинематографическом ключе. Реализм – это больше внутри. Реализм для меня – это там, где не нужно ничего придумывать. Это компоновка сценария, который уже был написан, «прогон его через призму». Оттого истории выглядят настоящими, и даже не возникает вопроса о подтасовке действительности, ведь она и сама по себе безобразнейшим образом удивительна. Это не везде литература, но куда больше, чем путевые заметки.

XXI век дал нам фреймовое сознание. Всё, что мы сейчас видим вокруг – это картинки, на основе которых мы додумываем этот мир. Весь наш крохотный пласт восприятия сродни рекламе, после первых секунд которой, мы уже точно знаем, к чему всё идет. Предсказуемость – вот критерий современности. Именно она дает нам возможность так быстро усваивать такие огромные объемы информации. Мы не останавливаемся, как останавливались наши предки, чтобы понять «насколько глубока кроличья нора», потому что нам объяснили, что дно недалеко. И мы поверили, что можем дотянуться до него большим пальцем ноги, но боимся это проверить. А на самом деле, его просто нет. Так и живем... к сожалению, ли... к счастью – черт его разберет. Вопрос долгий, и жизнь свою тратить на него не очень-то и хочется. Но вот, что я знаю 100%, так это то, что бесконечное размазывание текста по поводу качества текстуры итальянских обоев и темно-меланхоличного света луны, вползающего в пыльную комнату, где на старой софе вздыхает Элоиз, которую друзья, от горячей любви называют ни как иначе, как Лизонька – это бесполезная трата бумаги и времени читателя. А время сейчас всё. Оно всегда было всем, по сути. И в протяжности словарных песнопений нет никакого чуда. Чудо в том, что Лиза дышит, в том, как она ощущает себя в данный момент, и в том, что завтра ей ложиться под нож, и дышать ей может больше и не придется. Не романтично

за окном, а в углу потрепанной многоэтажки сидит человек, которому не все равно, но он и видеть ее такой не может, и к ней хочет, и с ней уйти хочет. А может «травмвай» еще ходит? А может и рельсы не такие холодные? Чувствуем разницу! (*Сечем фишку!!!*)

Использую множество эпиграфов, и дай мне вселенная памяти, обозначить авторство каждой строчки, ибо присваивать себе ничего не намерен. Использование оных обусловлено необходимостью наполнить фрейм. Эти строки, ни что иное, как музыка в наушниках, или одинокие мысли в моменты расслоения сознания. Спасибо людям, писавшим эти строки, спасибо тем, кто еще много чего напишет. Идем дальше.

«Почему?» «**Regular**» – это постоянство и стереотипность, как движений, так и мысли. Эта книга для тех, кто каждое утро едет в метро или стабильно простаивает в километровых пробках. Эта книга для тех, кто **regular**'но пьет утренний кофе, **regular**'но открывает свои глаза ровно в 8:00 и не секундой позже, для тех, кто **regular**'но что угодно... и сам... и делает. Вам.

По моему скромному мнению, любая **regular**'ность является собой стереотип действий, который составляет целостную систему нашей жизни. Многие считают, эти самые созданные системные мирки своей «зоной комфорта», хотя, по большому счету, это есть наши клетки. Весь день,

всю неделю, весь год, всю жизнь. Я ответственно заявляю, что любая **regular**'ность – самый главный враг человека, и по итогам несет только урон разной степени тяжести.

Ты каждое утро делаешь зарядку – тратишь время, изнашиваешь свой организм пустыми выпадами и растяжками, которые врач тебе не прописывал. Мог бы с тем же успехом залезть на ближайшие горы в области, а то и на Эверест. Эффект был бы куда более ощутим, как для души, так и для тела. Да и внукам лучше рассказать про Эверест, а не про «три подхода по пять», разве нет?

Ты каждое утро выпиваешь чашку кофе. А почему кофе? Почему бы не съесть тауриновый батончик, или выпить какао? А почему бы не выпить вискарю и не пойти позавтракать в стриптиз-клуб, посмотреть монотонным взглядом, как эти сонные чайки в нижнем белье пытаются раскрутить тебя на наличность, еле волоча свои масляные тела. Как звучит, м?

Ты едешь в метро каждый день, облакачиваешься на закрытые двери вагона, на которых ясно написано «не прислоняться». Каждый день... каждый день... каждый долбаный день!

Это касается чего угодно. Пьешь ты, или торчишь на препаратах, борешься ли с утренним желанием убить соседскую собаку, или же просто пропиваешь курс витаминов после зимы. Рано или поздно **regular**'ность сведет тебя с ума...

Знаешь, читай уже... потом поговорим. На связи.

Креститься по-рок-н-рольному

Журнал. Часть первая «Интро»
2007

*«Дым табачный воздух выел,
Комната – глава в Крученыховском аде...»
© В. Маяковский «Лиличке (вместо письма)»*

Это был замечательный год, в котором я закончил это странное, и непонятно зачем придуманное дурдом-варьете, под названием «школа». Челка до подбородка, амбиции бежали быстрее мыслей, будущая карьера программиста давила мозг новыми технологиями и полным отсутствием радости художественного творчества. Ну, как можно было учиться употреблению бинарных кодов, когда душа буквально дышала «Лиличкой» Маяковского? Это было абсурдно. Бегство в цифровое пространство, никогда не заменит прогулок в глубину книги, где собственно, нет никаких границ. Единственная причина выбора подобной карьеры – возможность получить образование в сфере продвинутых технологий. Смешно даже. Через каких-то пятьдесят лет, это будет считаться старьем, а ты – австралопитеком. А иногда, и смешно, и грустно. Ведь не каждый согласится делать из своего увлечения свою профессию. Обычно, люди пытаются разграничить досуг и работу, но дуальность бытия вы-

зывает лично у меня приступы тошноты.

Не будем углубляться в детали, но именно в этот год, я сознательно и по собственному желанию стал посещать храм. Православный, красненький такой, кирпичный храм, с позолоченными крестами и приличным товарооборотом свечей. Мне никогда не нравились эти огромные высоты потолка, но, вместо университетских пар я частенько забредал именно в этот собор. Мне всегда казалось, что это то место, где тебя не упрекнут за то, что ты не хочешь ни с кем беседовать на тему глобализации информационных ресурсов, и просто садишься на скамью и молчишь. Большой популярностью среди меня (*и меня*) пользовалось подвальное помещение, которое всегда было плохо освещено. Садился, включал deathcore в наушники как можно громче, и смотрел на иконы, а иконы – смотрели на меня. Умиротворяющее действие, на самом деле. Только через несколько песен становилось прохладно. Откуда ни пойми взявшийся сквозняк пробирал до мурашек, шарил под футболкой, и все шептал в шею: «А ты такой холодный, как айсберг в океане...». Причем, физически было неплохо, но на мозг капало. Создавалось такое чувство, что нос обжигало этим самым холодом, а в груди всё сжималось. Бабушка, которая следила за огарками у икон, сказала как-то, что это грехи меня давят. Может и права была, а может ей деньги платят за то, чтобы немного сходить с ума в церковном подвале – понять трудно. Синие джинсы накалялись, и холод становился более ощутимым,

а иконы смотрели в глаза, чаще изображая сухую жалость, а не теплую красоту плачущих образов.

Сделал вывод, что с каждым моим визитом грехи странным образом размножались, и ни старые, ни новые не хотели просто куда-нибудь в сторонку-то отойти, да и в груди становилось всё тяжелее и тяжелее. Саднило, подташнивало... полный набор надуманных терминов, обозначающих полумеры, и досадное недоумение от происходящего. Таки-ми словами люди в высшем обществе показывали тебе, что ты им наскучил, и им пора удалиться в опочивальню, курнуть кальяна и почилить под старый фолк-блюз.

Ориентировочно через полгода мои походы в храм прекратились, и всё что скопилось благодаря ладану и церковному подвалу полилось наружу. Годы спустя я начинаю это видеть более ясно, чем тогда...

И только через несколько месяцев после прекращения этих милых походов я узнал, что собор был построен на месте советской толкучки, где один турецкий ковер, порезанный ножницами, толкали как «четыре первоклассных турецких шарфа», плюс водилось кое-чего по пластинкам с рок-музыкой. Но это еще не самая интересная новость. Еще до появления термина «музыка на костях», этот толкушный сброд ее там делал. В нескольких слоях земли под рынком было старое кладбище, еще со времен, когда этот город числился деревней, со слегка оскорбительным именем.

Вот вам и холод. Вот вам и нон-стоп по стране умиротво-

рѐнности. Я, значит, там сижусь, а мертвые деревенские жители оценивают мою крашеную челку, закрытые глаза с опаленными ресницами и Оливера Сайкса в моих наушниках. Тушите свет! Актеры сдохли, время выносить...

Ориентировочное время: 2012

К этому времени, я уже совсем перестал посещать какие-либо храмы, и довольствовался тем, что просто живу. Напиваюсь, спотыкаюсь – бросаю пить. Напиваюсь, спотыкаюсь на кого-то – утром бросаю спать в чужих квартирах у абсолютно чужих женщин. Спотыкаюсь, влюбляюсь – вообще никогда ничего хорошего не выходит... напиваюсь, спотыкаюсь – бросаю пить.

К этому времени, в гардеробе появилось много свободного места, которое заполнялось чаще строгими рубашками и галстуками, нежели узкими футболками и джинсами, которые носились исключительно по-рэперски, то есть спущенными по самое можно и нельзя. Длинная крашеная челка до подбородка и проколотое ухо потеряли свою актуальность, и сменились на аккуратную стрижку в рамках стандарта, и слегка припухшую точку на левом ухе. О прожитых бурных моментах напоминают лишь несколько шрамов, боли в различных органах, да татуировки, хаотично разбросанные по телу. Все стало обыденно. Знаете, есть такая строчка у Набокова: «Жить в Петербурге, как в гробу...»? А вот теперь представьте, если местом действия оказывается совсем не Петербург, а куда более сонно-наркотический город, где большая часть жителей не отличит Джима Моррисона от какого-нибудь Фредди Меркури (совсем утрирую, конеч-

но). Или не сможет узнать по голосу Яну Станиславовну, хотя она родилась в городе, находящемся в паре часов отсюда. Это уже не ГРОБ, ребятки. Гроб проели жуки-пауки, устроив на недвижимом тебе подземное пастбище.

Улыбаемся, в общем...

К этому времени я уже изучил евангелия от Матфея, от Луки, вскользь от Марка, «Откровение» Иоанна и успел восхититься и разочароваться в «Аде» Данте, и мог с циничной четкостью сказать, что все эти события нарушают законы логики и здравого смысла. Отчасти, спасибо Лео Таксилю. Да, вот таким вот я считал себя эстетом, прочитав «must have», довольствуясь этими крохами, как пирожными. Юность тем лишь и важна, что это время считать себя самым умным. Потом, ты неизбежно понимаешь, что это далеко от истины, и, либо начинаешь развиваться, познавать и коммуницировать, либо сидишь на корточках на подоконниках. В те времена я предпочитал верить в высшую Силу, говорить ей спасибо в конце дня, и на этом все ритуалы заканчивались. Если не был в состоянии говорить (ну мало ли допингов вышибают мозги постсоветской молодежи) – просто держался за что-нибудь деревянное или серебряное, и мысленно говорил что-то вроде: «Спасибо, чувак. Это было вполне. Давай как-нибудь повторим, а?»

К этому времени уже попытался примерить на себя шкуры практика хиромантии, уверенного атеиста, умеренного атеиста, затем агностика, и, наконец, растафарианца. Но с пер-

вых слов «Кебра Нагаст» становилось понятно, что это определенно красивый способ прикрыть наркотическое расширение сознания, коего стараются достичь в сущности 99% всей тусовки. Большая часть людей, называвших себя когда-то растаманами (встречались такие индивиды), по сути своей торчали от ярких цветов в одежде и дредов, и просто дули все подряд. Химия – не химия – плевать! На взлет! Похихикали. Разбежались. Большинство даже понятия не имели что такое «трава мудрости», и чем был так знаменит царь Соломон, на чьей могиле она росла. Но это были просто такие люди, не определившиеся в мире. По части неопределенности, мы еще хоть как-то сходились. Эти еще ничего. Удобоваримые, и вполне перевариваемые. Попадались куда более интересные индивиды, чья интересность заканчивалась в тот момент, когда они появились на свет. Самое смешное было слышать фразу «я – растаман», от молодых людей именно этого склада. Ну, знаете, с них еще образ закрепился, в шапках «228», вечно на движении, руки на шарнирах, «брат за брата».

Раста – это просвещенные товарищи. Люди образованные, начитанные и добрые. А некоторые представители адидасной интеллигенции, я уверен, не смогли бы даже правильно написать слово «растаман».

Я не отношусь негативно к культуре раста, но обращаясь к их священному писанию, становится немного страшно, и чуть-чуть живот надрывается. Вроде бы и с благими

намерениями написана, но народ изничтожила. Посмотрите на Ямайку – самое большое количество убийств и изнасилований в мире! Боб Марли, да? Легалайз, да?! Растаманы с идеально чистыми дредами, просыпаясь в своих лачугах не скручивают косяк, и не идут на пляж курить дурь и слушать reggae. 16-тилетние парни берут в руки УЗИ и АК-47 из разворованных армейских складов, и идут строить баррикады между кварталами, а с наступлением темноты каждый день считают убитых мальчишек и изнасилованных девчонок с порванными щеками и поломанной жизнью. Они не говорят: «Злой дядя трогал мою фи-фи своей фу-фу», они говорят: «Завтра я возьму свой мачете, приду в дом к этому ублюдку и вырежу всю его семью, сука».

В растафарианском писании, в той самой «Кебра Нагаст», сказано... Хм, на память, слова звучат как: «Мы не хотим вас к чему-то приучить или привить новую веру...». Для справки, в любом языке мира, от русского до тибетского, от китайского до английского, частица отрицания всегда очень короткая (два или три символа), а любой значимый религиозный трактат не менее 300—400 страниц. Раз уж эта ключевая фраза не оформлена, как конкретная заповедь о том, что запрещено делать – она воспринимается как формальное вступление. Сознание затирается, как старый CD. А вы потом спрашиваете, почему перевирают писания? Ребят, на этом простом математическом примере понятно, что частица «НЕ» откладывается в сознании не так,

как бы хотелось: либо пролетает мимо, либо воспринимается, как табу, которое так приятно нарушить. Так приятно выкурить сигаретку после жесткого секса в разных позах в разные теплые места, особенно если жаришь явно чужую женщину. Лично у меня такое было всего один раз, но могу с уверенностью сказать, что это безобразно приятно. Безобразно. Приятно. Постыдно, и в то же время, это ведь ТАБУ, mazafaka! Я ж герой! Противопоставил свою тощую тушку обществу и кинулся на амбразуру пахом! А потом становится, как-то не по себе. И, знаешь, пацаны на Ямайке все еще стреляют.

Улыбаемся, в общем...

К этому времени я мучился так, как не мучился даже, когда по причинам проблем со здоровьем несколько месяцев был почти прикован к кровати, как овощ на грядке. Это такое лютое и вязкое состояние, которое знакомо каждому, и, судя по моему кругу, мое поколение ему подвержено через одного. Пусть у тебя будет куча знакомых, будут близкие, будут прекрасные женщины, которые могут подарить теплоту сотни батареек и мокрые всплески радости – ты все равно один. Куда бы ты ни пошел, это одиночество идет рядом с тобой белой дымной собакой, которая никогда не упадет и не перегрызет, наконец, глотку. Она подождет, пока ты устанешь идти по неровному асфальту, и сам положишь шею ей в тупые сточенные зубы. Кто же тут не станет циником? Кто не скажет «любви нет, и никогда не было»? Да

и что это за слово такое «любовь»? Если оно что-то раньше значило, то сейчас оно произносится, как банальность благодаря бойз-бэндам и разным молодым престарелым артисткам.

Банально, но это надо было сказать. Прошу прощения за очевидность, но факты всегда должны на чем-то базироваться, пусть и на банальности.

К этому времени я увидел несколько смертей. Не на войне. Не от террористов, кричащих хвалы Аллаху или еще какому-нибудь идолу. Знаете, просто во так вот получилось. Кто-то перевалил за черту в 20 лет, кто-то – нет. Вроде бы предыдущее поколение, знаменитое перестроечным хаосом и героиновыми сквотами уже отживает свое. Мы же новые! Мы – totally другие! Мы – не знающие, что такое страна с идеей... с высокими идеалами и ценностями. Мы проще воспринимаем тот факт, что план Даллеса удался просто идеально, и живем мы уже в новой системе. В системе, в которой люди мрут до двадцати, потому что совершили ошибку, или же просто были не в состоянии находиться в окружении безразличных обитателей сети. Да-да, именно сети. Если советский союз можно было назвать большой тюрьмой, то нашу страну сейчас можно увидеть лишь сеточкой, в которую поймано больше ста сорока миллионов человек, а вместе с ними в сети запутались огромные камни – осколки государства из прошлого. Мы идем по песку, и тянем за собой эти камни. А смерть? Что смерть? Она приходит в гости, по-

ка мы с пацанами пьем на кухне.

«И что случилось с ушедшими?» «Они просто упали в яму с землей и начали долгожданный процесс гниения?» Вопросы эгоистичные, ведь люди интересуются этим по причине страха не за души усопших близких, а за то, как бы самому так извернуться, чтоб не умирать вообще. А если и умирать, то попадать в бесконечное азиатское порно с клетчатыми юбочками, или на шоколадную фабрику, вроде той, что была у старины Уилли Вонки.

От страха, что после deadlin'a ничего нет – в разврат, наркотики и пьянство, дабы успеть попробовать всё на свете, а то вдруг тебя просто съедят черви. Понятное дело, что тогда уже будет всё равно, но как-то преждевременно обидно становится. От страха, что что-то за чертой есть, а я тут скушал печенку, которую обещал не есть, бежишь в церковь, или чаще всего, по-свойски так, подмигиваешь в небо и говоришь «ну ты ведь хотел, чтоб я был счастлив?»

Здесь невозможно не задуматься о Боге, который всё это позволил. О том, есть ли он вообще, и стоит ли на него надеяться. О том кто ты: атеист, теист, деист. Тушканчик, или может дикобраз, м? К этим мыслям мы еще вернемся. С начала 2012-го мысли о высших Силах и о том, как достучаться до них эффективнее и показать, что происходит, уже окончательно заняли место в замерзшем черепе. Не буду первым, не буду последним. Просто расскажу, как было дело.

P.S.:

Далай-лама14:

«...Иногда, если ужасно хочется съесть печеньку, а нельзя – я задумываюсь. Что больше угодно Богу? Чтобы Далай-лама был счастлив? Или чтобы ел только то, что положено? ...И ем печеньку».

Вот, где-то так всё стало интересно. Вот где-то так с утра тошнит от женщин, которых ты вчера боготворил, и ты спасаешься бегством. Вот где-то такое отношение к иллюзорной любви, которая вроде и есть, но ты понятия не имеешь, что это такое и чувствуешь себя лузером, потому что она точно у кого-то есть. Вот где-то так частичка «не» перестала означать запрет, и Далай-лама качественно уделывает законы религии, в которой он вождь и пример сотням своих адептов. И именно так просыпаются 16-тилетние пацаны с Ямайки, до которых мне совсем нет дела.

Отулыбался.

СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ PR?

«Случайность – это способ Бога остаться анонимным».

© А. Эйнштейн

«Я не пытаюсь вообразить Бога как личность; мне достаточно изумительной структуры мироздания, насколько наши несовершенные органы чувств могут ее воспринять».

© А. Эйнштейн

Если бы это был фильм, а в главной роли был какой-нибудь черный «gangsta», то с этого места злые нью-йоркские негры начали бы пальбу в кинотеатре, и нам бы пора было уносить отсюда свои черные жопы.

До сих пор не могу понять, был ли этот случай случайностью, ведь совпадения были непостижимо навязчивы. Итак...

17 февраля стоял жуткий сибирский мороз, когда синоптики обещали теплую погоду. По своему обыкновению интернет неожиданно помахал ручкой, и пришлось ехать в офис, и оплачивать данную сомнительную услугу. Пока ехал, подумал, что было бы круто встретиться с Д., лучшим, и, пожалуй, единственным другом до гробика. (Не суть. Убрать негатив! История добрая, и в ней даже есть единороги и радуга!)

Через смс и звонки, как-то – как-то договорились о встрече, правда, подождать его в кафе, которое нам когда-то приглянулось, не удалось. Оно открывалось значительно позже. Побродил по универмагу, посмотрел на вещи, которые никогда себе не куплю. И, свершилось! Д. в здании, и пора валить. Попробовали кинуть кости в другом общепите, который был гостеприимно размашист, помпезен, и в то же время, крайне неласков в вопросах финансов. Мы поняли, что двум безработным харчеваться в подобных харчевнях, и танцеваться в подобных танцах явно не по карману и, в лучших традициях заводских пацанчиков, слились с местностью, будто нас там и не было. Д. пошел встречаться с девушкой, а я был вынужден ждать открытия нашего любимого демократичного кафе в книжном, что неподалёку. Время было выбрано удачное – скидки 50% (я уже говорил, насколько книги стали anti-модными, вот вам еще одно подтверждение отчаяния индустрии, которая из-за второсортных плевков мозгом, стала наполнена вампирскими рассказиками и советами «Как стать самым-самым за 10 дней». А ведь в книжных всегда можно найти серьезное, и что-то действительно дельное, печально, то это стоит огромных трудов). Как выяснилось позже, эта проблема есть только в регионах. Досадно.

Покопавшись в корзинах уценки, я смог найти пару вариантов. Д. и А. уже подошли, как раз в разгар терзаний выбора. Решил довериться женскому вкусу:

– А., какую взять?

– Вот эту. Мне обложечка нравится. (*Ах, как прекрасно порой звучат женские аргументы!*)

Я бы купил обе. Практично ж ведь... хотя... ты филологу дай на еду, он закупит себе книг, которые уже складировать некуда, и будет есть сухие булочки с маком. Выбрал именно эту книгу (причем даже не я), мне хватало на неё денег, чтобы потом еще хватило на чай в кафе, которого так ждал. И эта книга случайно кинулась мне в глаза, да еще со скидками? Что-то тут не так.

Не хочу рекламировать, поэтому скажу, что книга была пера одного из популярных авторов «былой современности», и повествование оказалось, как раз на религиозную тему. Как он в возрасте 30-ти с лишним лет дошел до жизни такой, что даже вступил в орден францисканцев, и это на Руси-матушке! Забавно, и написано со стилем, жаль лишь что публицистическим. А главное – в ней поднимались те вопросы, которые не давали мне хорошо спать уже много ночей подряд. Она сработала по всем требованиям хорошей рекламы, которые применимы к любой продуктивной коммуникации. Банально сломала все пять барьеров психики. Книга искренне мотивировала, без доли иронии и сарказма, на поиск пути. Я бы даже сказал, *освященного* проспекта, на котором я уже не буду наедине с белой собакой, ждущей моей кислой крови на мягком небе. Заручиться поддержкой высшей Силы, и перестать уже быть одиноким (*плак-плак*). Просто сделать так, чтобы то, что я говорю Силе, 100% дошло

до неё. Я не собирался бросаться в культы, вроде свидетелей Иеговы¹. Мне нужно всего лишь одно – остановить принудительное одиночество, и начать уже жить **НЕ** как пойдет, туда и двинусь, а двигаться туда, куда мне нужно, с непробиваемой духовной поддержкой Силы. Мне надоело тратиться зря, на утренние побег из квартир, которые ночью казались родным домом, и от людей, которые той же ночью были роднее самого себя.

Вот так я пришел к жизни такой, и на следующий день был намечен грандиозный план посещения сначала православной церкви, а затем «свежеоткрытой» католической, плюс, новое кафе, для не предвзятого осмысления и проведения анализа. (*Я ведь дядя опытом наученный, и не собираюсь больше бросаться пахом на амбразуру, если не взвешу стоимость протеза*). К баптистам и свидетелям разного рода божеств решил не ходить, ибо там всё сильно завязано на бесплатном труде наркозависимых и алкоголиков, а мне был нужен не труд, а мысль.

P.S.: Единороги на радуге всё-таки миф. Друзей до гробика – не бывает. Мама родила тебя по приколу. Это и смешно, и печально.

¹ Запрещены на территории РФ

В НОЧЬ НА СУББОТУ

Двадцать четыре часа тянулись, не прерываясь на какие-то глупые сны и прогнозы погоды. Конечно же! Важный день, и как всегда, ни в одном глазу. Что стало причиной тому: 2 чайника черного как нефть Гам Фей Ча, или же волнения (пусть и не перво-, но все же) открывателя нового мира на своей маленькой карте – черт разберет. Я думаю, что не стоит вдаваться в детали игры в косынку и. т. п.

Мои раздумья по поводу высших Сил возобновились, и открылось второе дыхание этого бесконечного марафона с белой собакой. В момент, когда мои руки опустились, я понял что достиг высшей точки графика цинизма, который уже не просто проедал меня. Он жил во мне и говорил моими словами, совершал поступки, за которые чисто по-человечески стыдно. «Кто без греха, пусть первым бросит в меня камень»? Эта система давно перестала работать, а камушками мы давно себя сами забросали. А потом живем в этой куче, и называем это нашим внутренним миром, микрокосмом. Лечимся популярной психологией, ищем патологии детства, роемся в ментальном мусоре. Просто маленькие каменные Голгофы в кирпичных коробочках, взращённые на книгах буйно помешанных и драже «Тик-так», как награда за прожитый день. Было проще, когда мы не знали, как называются эти бесчисленные фобии, синдромы и комплексы. Мы их

в себе не искали, и просто были людьми.

На этот счет, больше нечего сказать...

МОГИЛЬНЫЙ ХОЛОД И ЗАПАХ ЛАДАНА

*«...Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
«Впусти меня!» Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»
© Тютчев «Наш век»*

*«Нельзя касаться идолов, их позолота
останется на кончиках пальцев» © Г. Флобер*

В 8 часов утра за окном стоял лютый заводской туман, и когда я ехал в маршрутке, невольно всплыли литературоведческие связи: «Туман – это граница. Дорога – путь из своего мира в чужой». Филологический факультет портит здоровые мозги, граждане! Присоединяйтесь! Плодитесь и размножайтесь! Свободу Анжеле Дэвис!.. Не о том хотел сказать. Но дорога была действительно нудной, и галстук как-то неестественно сдавливал шею, хотя я уже привык носить его каждый день.

Улыбаемся, в общем...

Добравшись до собора, я понял, что креститься «по-рок-н-рольному» я умею, только понятия не имею на каких лестницах это дело начинать, в каких дверях и где по сколько раз. Людей в церкви было достаточно много, по крайней мере больше, чем я ожидал. Вход в подвал был качественно за-

крыт на большой амбарный замок, и на секунду показалось, что я в родном спокойном месте. Купив у милой монахини свечку, которую я понятия не имел за что и кому ставить, я прошел в зал. Холодное темное помещение с высокими потолками дало мне понять, где я. Люди собирали пожертвования едой, или что-то вроде того. Мне было нечего класть в корзины, и я начал искать свободные места на скамьях, которых тоже не оказалось. Обойдя по кругу, осмотрев внимательно иконостас, подойдя к каждой иконе, я было хотел поставить свечу за упокой, но не знал куда ставить и кому молиться. Вдруг осознал, что из жизни ушло неестественно много моих знакомых и родных, и я даже не мог понять, кому я хочу поставить свечу. И хочу ли я это делать, на самом деле? И нужно ли? Было пару лет, так как косяком один другого на тот свет тянул. От шестнадцати до двадцати, в основном. Много парней: кому голову пробили, а потом этот придурок с кастетом уехал куда-то учиться вроде. Кто героин неправильный поймал (партия странная пришла, по городу, как мор прошел), кто утонул, кто – на машине разбился наглухо, кто – сам выпилился. Выбрать из всех я так и не смог.

Поняв, что на скамью надежды нет, я нашел место напротив иконы девы Марии, и начал наблюдать за людьми. Вы все прекрасно знаете, какие в основном люди собираются у нас в храмах провинциально-бытового назначения: старики, больные и немощные. НЕ хочу говорить плохо о людях, но из-за этого контингента у меня давно сложилось впе-

чатление, что лицемерие человеческое не имеет границ. Люди под конец своей жизни вымаливают прощение высших сил, за себя, и за тех, кто не дожил до их глубоких морщин, лишь бы очистить себе совесть. Неужели мы придем к тому, что начнем винить во всем бесов, беспрестанно каяться в грехах, из чувства мерзотной дрожи? Это лицемерно, перекладывать ответственность за свои поступки на какие-либо высшие силы. Немного достоинства в студию, можно, товарищ ведущий? Я не беру в пример матерей и отцов, потерявших детей – это другое, ведь эти люди идут в храм за утешением. Но что они там видят? Кого встречают? Успокаивает только темнота и могильный холод подвала вперемешку с запахом ладана.

Они просто люди. И я такой же человек, как они, и лицемерю точно также. Даже не по себе становится, когда эта мысль не в голове, а напечатанной стоит перед глазами. В общем, я не мог долго стоять на одном месте, да и холод снова начал сдавливать грудь. Тут опять вспомнились различные яркие образы зарубежной литературы, но на этот раз уже дешевых романчиков для домохозяек. Стало противно. Начал больше дышать ртом, чтобы вдохнуть больше воздуха, но тут же об этом пожалел. На языке остался вязкий привкус... вспомнились слова из одного хорошего русского фильма, про замечательного поэта: «Не место тут отроку. Здесь повсюду трупами смердит». СМЕРДИТ! Именно это слово с самого прихода в храм крутилось на языке. «Смер-

дит». Есть в этом слове что-то такое раболепное и преклоняющееся. Я могу быть самым набожным на свете, но, если захочу прийти поговорить с Богом в Его дом, обнаружу раба. Бог любит рабов. Да... именно так. Бог любит рабов. Опять стало как-то неприятно от налета очевидности в данном тексте, я думаю.

Прошел мимо нескольких старух, прислонившихся лбами в иконы на стене, и добрался до большого креста Спасителя. Собрался поставить свечу за упокой последней, что ушла в иной мир, но руки не стали этого делать.

– Прости, ...* – сказал я, глядя на крест. – Надеюсь у тебя там всё хорошо.

Вслух звучало даже как-то наиграно и неестественно. Поймал себя на мысли, что подобные фразы не стоит произносить вслух.

После этой фразы пара бабушек посмотрела на меня, как на не совсем нормального человека. Ох уж эти воцерковленные бабушки, мерила всей морали на Руси! Я просто развернулся и вышел так быстро, как только мог, потому что почувствовал, что от запаха ладана становится очень душно, и уже начинает кружиться голова и скапливается огромное количество слюны.

Я перекрестился несколько раз на выходе из церкви. За оградой было так хорошо и свежо, но уже через несколько секунд я почувствовал свежесть иголками на чуть влажном

лице. Вдоль кованого забора сидели нищие бабушки с протянутой рукой. Ну кто может, выйдя из церкви, не подать бедняку, а поскольку я понял, что в эту церковь возвращаться я больше не хочу, я высыпал им в руки все монеты, которые у меня только были. Оказалось, около 50-ти рублей разным номиналом.

– Спаси тебя Господи – сказал оборванец.

– И вам всех благ. Не пропейте только – ответил я.

P.S.: В тот момент, когда я ответил подобной фразой, мне стало печально от того, насколько формальным оказался данный мой поход, если даже подобные слова звучат так фальшиво.

AVE, MARIA!

«В покое очищаются мысли, и ты видишь истинную суть сердца» © Лао Цзы

Уже несколько лет я существую в нескольких маленьких мирках.

Первый мир: Мир дома, и района. Это такое приятное место, в котором нельзя не ругаться матом, так как в ином случае есть риск, что тебя просто не узнают. Конечно же, это шутка, но в каждой шутке есть всего доля шутки, и этот факт не стоит забывать. Эта сфера обитания относится в основном к людям «не особо стремящимся». У многих есть работы, но они низкооплачиваемые, и зачастую требуют максимум средне-специального образования, а то и вообще, нужно лишь наличие рук и ног. Даже если деньги они получают хорошие, всё равно, это работа на износ и без особой возможности роста: таксисты, повара, экспедиторы в маленьких конторах. Просто там, где хоть что-то платят – там и сидишь. Некоторые до сих пор полностью сидят на плечах у престарелых родителей. Это ужасно. Целый маленький мир коктейльно-пивных посиделок, употребления всего, что можно вынюхать, чем можно вкинуться, закапаться или подкурить. Бесплезно. Долго. И даже как-то рутинно.

Второй мир – это мир семьи, в который, как бы это смеш-

но не звучало, кровные родственники ни разу не вхожи. Это узкий круг тех, кто терпит мой непомерно капризный характер. Они приняли этот факт, как данность, и их бы стоило наказать за подобное попустительство, ведь они посодействовали созданию маленького злобного морального уродца.

– Сволочи! Супостаты! – сказали бы умные люди.

Но это мои сволочи. Это мои супостаты, и я их безобразнейшим образом люблю, и надеюсь, что они понимают, как много для меня значат эти попустительства.

Мир третий: словесность. Частный мирок, без права доступа окружающим. Мир, в котором необходимо четко разграничивать пошлость от песчинки истины. Там хорошо, как в океане на волнах. Вот, по сути, и всё. Всё, что окружает, все, что лепило меня из того, что было. Какая религия? Какие католики? Да вы, о чем вообще, граждане присяжные заседатели? Но всё же...

Мороз закрепился над дымным городом, и туман уже успел рассеяться. Мой путь лежал в католический храм, построенный пару лет назад. Маршрутка, где нет системы отопления в минус 30; мосты, с загаженной рекой под ними; люди, выбегающие из огромного торгового центра в полуразваленные дома из красных кирпичиков – это мой город. О, эти люди! Ну, вы их знаете. Какой-то мальчик, лет тринадцати, стоял и курил на остановке черную сигарету с чувством переполняющейся гордости, без единой мысли о предстоящей

саркоме легкого. Крайне упитанная женщина пыталась зайти в маршрутку, глядя на людей таким взглядом, будто ей ну просто обязаны помочь, потому что съев столько фаст-фуда, ты автоматически переходишь в категорию инвалидов, устменно отсталых, и чуть ли не великомучеников. Девушка в чулочках в сеточку вышла из Porsche boxter'a (*по-моему, у нас такой один в городе... да, такой вот городок*) припарковавшись прямо перед автобусом, а водитель автобуса с черными от мазута пальцами выдавил из себя «насосала, бля*ь». Его руки с такой яростью вцепились в руль, а нога так сильно вдавила педаль в пол, что казалось это штурвал самолета, и скоро мы взлетим ко всем чертям. Девчонка, сидевшая рядом со мной, всю дорогу упиралась взглядом в затылок мужчины, что сидел впереди неё. Ни единой эмоции. Ни единого различимого сердцебиения. Вокруг люди постоянно шевелятся, дабы занять себя во время трипа от пункта А до Б, а она? Она – как тряпичная кукла, без макияжа и желания даже пошевелиться.

В общем и целом, всё, как везде, и, как всегда. И люди такие же, как и везде. И каждый раз проезжая мимо церкви, эти люди на мгновение задумываются о том, чтоб зайти. Но это всего лишь мгновение, которого никогда недостаточно. А католический храм, куда я еду, носит имя «Пресвятой девы Марии, божьей матери». Не очень лаконично, но в доле поэтичности названию не откажешь. Добирался с пересадками, а в условиях города с населением менее миллиона чело-

век, это странно, но оно того стоило. Вышел на остановке, где уже с утра какие-то пьяные мужики решали, куда же им лучше поехать печень нагрюзить. (*Время 9.00, ребят!*) Пешая часть маршрута лежала через парк, а затем мимо здания суда. Задумался над интересной картинкой суда, за которым виднелся шпиль в виде креста. Суды человеческие и Божьи стоят рядом, и не имеют между собой ничего общего. Модель «...по образу и подобию» явно начинает сдавать. Зайдя на чистую территорию храма, заметил стенд с расписанием, и понял, что ближайшая служба будет только через час (*да вы издеваетесь*).

– Но зачем мне служба-то? Пойду, взгляну на церковь, поговорю со святым отцом. Немного пафосно, но как-то явно авторитетнее звучит, по сравнению с русским аналогом «ба-тющка». Не так по-свойски конечно, но свои пацаны сейчас пивко на квартире пьют, а в храм я иду говорить с представителем веры. Поднявшись по каменным ступенькам, подержав двери, понял, что в храме мне не рады, меня не ждали, и вообще, мальчик, шуруй домой, пожуй бабл-гам.

– Ну, служба, так служба. Будем приобщаться к католическим ценностям!

Тело выдержало только полчаса, и внутренний Беар Гриллс начал подсказывать, что вход не может быть один, и, зачем-то, что черви – крутой источник протеина. Затем и формальная логика подтянулась. Неужели христианин не пустит другого христианина в храм Бога погреться? По-

звонил в домофон (*домофон в доме Бога*), и прождал около минуты пока мне не ответил голос с жутчайшим английским акцентом, и странной расстановкой ударений.

– Аллоу – сказал мужской голос. – Что вам нужноу?

– Здравствуйте, я пришел на службу, но видно очень рано. Не пустите меня в церковь, а то тут жутко холодно? – максимально представительным тоном ответил я.

– Заходите спэреди. Там открыто.

– Okay. Thanks – сказал я. Никогда бы не подумал, что в Сибири пригодится английский, который я так и не сдал в университете.

Оказывается, что так трудно попасть в храм, кто бы мог подумать. Вернулся к божьему домофону, так как двери мне никто, так и не открыл. Побеседовали еще немного, но из его торопливой речи я понял процентов 70. Вероятно, пока мои ноги превращались в лед, он пытался вслух припомнить, чем он этим утром занимался и убедиться в том, открывал ли он дверь.

– I'm really sorry, but my feet like ice now, – моя школьная учительница английского в этот момент переполнилась гордостью, икнула и почесала пятку.

– Okay. Go to the central enter!

Мне открыл мужчина, на вид около 60-ти лет, высокий и крепкий. Поздоровался на ломаном, но достаточно уверенном русском, и протянул мне руку. Это был отец Энтони. Я прошел в светлый зал, с красивыми витражами и лакиро-

ванными деревянными скамьями. По центру высокой белой стены висело огромное распятие Иисуса Христа, а сразу под ним ритуальная чаша, из которой пьют вино на причастиях. Рядом со стеклянным ящиком с чашей горела свеча в подсвечнике.

– Эта свэцца символ вэчной вэры. Она горыт там всэгда – объяснил мне отец Энтони.

Минут пять мы с ним беседовали о том, чем наполнен храм. Я прервал его, когда он начал рассказывать мне про Кирилла и Мефодия, изображенных на витражах. Любой человек на филфаке знает этих ребят. Витража было два, и на втором были другие святые, тоже славяне. Ясное дело, ведь католичество у нас не особо в чести, поэтому нужен адаптационный элемент, и кто бы мог послужить им лучше, чем общие святые. Всё правильно сделали. Маркетинг выстроен на пятерочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.